

В конце концов, дату свадьбы назначили на стык конца лета и начала осени.

Как раз в ту пору по прохладному небу скользит последний след уходящего зноя . Время сбора урожая, ностальгии и возвращения павших листьев к корням.

— ...Ну как?

Цзян Цзяньмин вышел из гардеробной. Его новый, сшитый на заказ парадный мундир имел серебристо-синюю основу, плотные ряды двубортных пуговиц были вышиты черными и серебряными нитями, а на манжетах красовался такой же замысловатый узор.

Его черные волосы больше не стригли коротко — под мягким, но упорным натиском Лайана он их отрастил. Нынешняя длина позволяла им рассыпаться до самых лопаток, а если заплести их, как сейчас, в свободную косу, она аккуратно ложилась на бледную шею сзади.

— Ва-а-а! — глаза Дианы засияли. — Это просто невероятно красиво, главнокомандующий Цзян! Я же говорила, у брата отличный вкус на дизайн одежды!

— Да, — сидевшая рядом в интеллектуальном кресле-коляске Одри, в женском платье и с легким макияжем, с улыбкой добавила: — Очень тебе идет.

— Не слишком ли блестит? — Цзян Цзяньмин коснулся ленты для волос, украшенной бахромой из мелких бриллиантов.

Диана протянула руку и поправила ему ленту:

— Правда красиво, ты просто привыкни.

Цзян Цзяньмин только собирался ответить, как открылась другая гардеробная, и оттуда в новом костюме вышел Лайан.

Цзян Цзяньмин обернулся, и у него зарябило в глазах. Парадный мундир Его Величества выглядел еще более роскошным: на темно-красном фоне выделялись крупные узоры из изящных золотых роз, воротник обрамляли три слоя кружевного белого тюля, а густые платиновые кудри естественным образом падали на плечи. Под светом потолочных люстр каждый его шаг отзывался мерцающими переливами.

«...Словно ангельская статуя со встроенной функцией ходячего светильника», — про себя подумал Цзян Цзяньмин.

— Что такое? — Лайан остановился перед ним и протянул руку, чтобы поправить ему воротник.
— Главнокомандующий?

Цзян Цзяньмин отступил на полшага назад и кашлянул:

— Не очень привычно носить такие сверкающие мундиры.

Лайан ответил:

— Супругу императора полагается иметь хотя бы один комплект. Бюджет и так урезали, так что будь послушным, закажи один качественный костюм, его можно будет носить больше десяти лет.

— «...» — сестры Ланс переглянулись.

Довести великого императора до того, чтобы он произнес столь скупую фразу, как «один мундир можно носить больше десяти лет», — это под силу только Цзяну...

— Тогда с одеждой определились, — сказал Цзян Цзяньмин. — Что-то еще осталось?

Лайан вызвал список дел на наручном коммуникаторе, вычеркнул пункт с мундирами и удовлетворенно кивнул:

— Все готово.

На самом деле, как только Цзян Цзяньмин понял, насколько искажены его собственные представления о ценах, он отменил то ограничение «в пределах двухсот тысяч».

Лайан тоже не стал воплощать свой первоначальный план свадьбы, который неизбежно заставил бы финансового чиновника обливаться слезами. Они пошли на взаимные уступки, решив сократить масштабы торжества и пригласить лишь узкий круг знакомых, но при этом сделать все изысканно.

Они вдвоем выбрали дизайн обручальных колец и фасон мундиров, привлекли еще нескольких человек в качестве советников и, утвердив окончательный эскиз, передали работу придворным мастерам.

Все эти церемонии с предложением руки и сердца или помолвочные банкеты они тоже отменили.

Взамен перед свадьбой, в один из прохладных дней в разгар лета, Лайан сопровождал Цзян Цзяньмина в поездку в Звездный город Славной Автономной области.

Чан Цзэ, будучи новоиспеченным приемным сыном главы Славной Автономной области Юань Чжи, тепло встретил их двоих.

Они всю ночь напролет болтали в отеле и поддались настроению немного выпить. Организм Цзян Цзяньмина все еще оставался слабым, поэтому от легкого избытка алкоголя у него закружилась голова, и глубокой ночью Лайан отнес его в комнату. Захмелевший, он целовал губы Его Величества, шептал любовные слова, которые обычно стеснялся произнести, и сминая колени халат.

Поднявшись на следующий день, оба молча воззрились на разворошенную гостиничную кровать.

— Кхм, — Лайан заставил себя сохранять спокойствие. — Ничего страшного, персонал отеля и не такое видел.

Они просидели в номере добрую половину дня и выбрались наружу только к вечеру.

Переодевшись в простую одежду и надев маскировочные устройства, они неспешно гуляли вдоль дороги.

У обочины летали несколько светлячков. Молодая пара влюбленных продавала местное фирменное сливочное мороженое; Цзян Цзяньмин купил одну порцию, откусывал сам и подкармливал Лайана, так они его и разделили.

На третий день они отправились на центральную площадь Звездного города.

Там Цзян Цзяньмин наконец-то своими глазами увидел... возвышающуюся на земле бронзовую статую Хельги.

Мужественная и прекрасная женщина держала в руке большое знамя и словно выкрикивала призыв. На ее плечо присел белый голубь, а другой расправил крылья на флагштоке, готовый взлететь.

Это была его мать.

Стоило закрыть глаза, и Цзян Цзяньмин, казалось, смутно вспоминал ночи в диких секторах.

Растрепанная мать в порванной одежде с улыбкой обнимала его, укутывала в старое одеяло и рассказывала одну за другой истории о далеком, недостижимом мире.

— Купим букет цветов? — Лайан положил ладонь ему на плечо.

Подножие бронзовой статуи Хельги было уставлено цветами, принесенными туристами в знак памяти. Вокруг продавались самые разные букеты, также проходило немало благотворительных акций и бесплатных раздач.

Цзян Цзяньмин подошел расспросить про одну из благотворительных лавок, и стоявший там парень с энтузиазмом рассказал ему:

— Когда мы соберем достаточно денег, мы установим здесь бронзовую статую главнокомандующего Цзяна, прямо тут!

Цзян Цзяньмин: — «...»

Парень из лавки продолжил:

— О, вот там, посмотрите на то место, как раз напротив госпожи Хельги, здорово же? Это будет суперкруто!

— Кстати, мы еще собираем варианты дизайна, какую позу командующему лучше принять... Посмотрите, вот так нормально? Хэк, ха!.. Или вот так? Хэй, я-тя-а!..

Цзян Цзяньмин поспешно поправил спасительное маскировочное устройство и бросился наутек.

Лайан безжалостно над ним посмеялся.

В конце концов они нормально купили охапку белоснежных лилий и, воспользовавшись моментом, когда вокруг поредели туристы, подошли ближе.

Ветер шевелил их волосы. Цзян Цзяньмин опустился на одно колено и положил лилии к подножию статуи.

Он поднял голову и сквозь очертания памятника посмотрел на лазурное небо.

— Мама, — тихо произнес Цзян Цзяньмин. — Я увидел рассвет и нашел настоящее счастье. Я...

Он улыбнулся:

— Я женюсь.

Лайан слегка прижал правую руку к груди:

— Госпожа Хельга, эта империя и я будем любить его вечно.

Цзян Цзяньмин поднялся, опираясь на колено, и Лайан поддержал его:

— Хочешь построить мемориальный комплекс в Звездном городе Аслан? Ты сможешь приходить туда в любое время.

Цзян Цзяньмин ответил:

— ...Давай потом. Если строить мемориал сейчас, я, возможно, и правда превращусь в бронзовую статую напротив мамы.

Лайан спросил:

— Разве это плохо?

Цзян Цзяньмин отрезал:

— Плохо!

Вернувшись в Аслан, они считали дни в ожидании свадьбы.

Многие ждали этого события вместе с ними. Особенно Линь Гэ, которая тревожилась сильнее, чем сами виновники торжества, давно привыкшие друг к другу как старая супружеская пара.

По выражению Лайана:

— Она целыми днями суетится, словно хомяк в колесе, сама не знает, куда себя деть.

Линь Гэ пришла в ярость:

— Ах ты мерзавец, ты вообще видишь во мне свою мать?!

Лайан ответил:

— Приемную дочь.

Линь Гэ потребовала:

— Хотя бы сестрой называй!

Лайан лишь усмехнулся:

— Хех.

— Кстати, Линь Гэ, — Сильф неторопливо удержала готовую ввязаться в драку императрицу. — Сейчас есть один вопрос.

— Главнокомандующий женится на Его Величестве Лайане Кайосе. По логике вещей, они станут старшим императором и старшим императором-супругом. Тогда я не буду ни императрицей-матерью, ни императрицей.

Линь Гэ не сразу поняла:

— И что?

Сильф постучала по столу и серьезно произнесла:

— И поэтому, если так пойдет и дальше, мне придется съехать из Белого нефритового дворца. Но новая научно-исследовательская лаборатория находится здесь, в императорском дворце абсолютная конфиденциальность и тишина, мне тут нравится, я не хочу переезжать.

Она с совершенно серьезным видом добавила:

— Линь Гэ, ты не могла бы на мне жениться?

...На следующий день интеллектуальная сеть империи снова взорвалась.

— Мне сложно объяснить вам характер наших отношений с Сильф, — публично заявила Линь Гэ гражданам. — У нас нет трепета в груди и бабочек в животе, нет приторных свиданий, признаний и обещаний. Потому что еще до того, как все это могло прийти, долгое время и огромные расстояния разделили нас.

— Но в бесчисленные одинокие ночи наши души тянулись друг к другу через звездные моря. Мы были опорой друг для друга... мы две половины одного целого.

— К сегодняшнему дню мы с ней уже стали пожилыми женщинами. Внешность можно восстановить, но состояние души — нет. Я больше не смогу полюбить никого другого, и если в моей душе есть изъян, то вторая ее половина находится только у нее.

— Мы больше не расстанемся, в какой бы форме это ни выражалось.

После этого интеллектуальная сеть оказалась парализована на целых три часа. Две императорские свадьбы в один год — дело невиданное.

Придя в себя от шока, кто-то иронично заметил:

— По стандартам главнокомандующего Цзян, давайте просто объединим их и проведем вместе, сэкономим бюджет.

В ответ посыпались одинаковые комментарии:

— Только не вздумайте показывать это главнокомандующему!

В конце концов, на свадьбу императора всей империи полагались выходные!

...

Местом проведения свадьбы императора и главнокомандующего собор Сияния выбрали не случайно.

В этом крылся определенный политический расчет: после завершения битвы за кристаллические частицы часть граждан, которые прежде по незнанию верили в Кристаллическую церковь, столкнулась с жесткой дискриминацией; здания в некоторых местах подверглись погромам из-за их связи с церковью.

Несмотря на неоднократные строгие запреты, эти радикальные настроения никак не удавалось подавить.

Однако теперь кристаллические частицы полностью интегрировались в человеческое общество. Если не распутать этот узел в сердцах людей, это приведет лишь к еще большим ненужным потерям.

Цзян Цзяньмин и Лайан приняли это решение после совместного обсуждения. Они надеялись, что личный пример императорской семьи поможет растопить ненависть в сердцах граждан.

— Да и собор Сияния такой красивый, мы не прогадали, — с улыбкой говорил Цзян Цзяньмин.
— Он ведь много лет подряд возглавлял рейтинг лучших мест для проведения свадеб.

Лайан спросил:

— А потом?

Цзян Цзяньмин ответил:

— А потом во время битвы с Кристаллической церковью практически разнесли его, помнишь? После этого там нельзя было проводить свадьбы, осталась только функция автоматического колокольного звона.

Лайан:

— «...»

Накануне свадьбы над Звездным городом Аслан всю ночь грохотали фейерверки.

Цзян Цзяньмин и Лайан несколько часов сидели в обнимку у окна и смотрели на них, а затем вместе укутались в одеяло и уснули под яркие всполохи.

На следующий день небо сияло синевой, а облака белели словно снег.

Колокола собора Сияния зазвонили, вспугнув стаю голубей.

Находившиеся в медовом месяце Тан Чжэнь и Бэй Мэнэр, держа в руках пригласительные, успели вернуться точно к назначенному времени.

Долгое время не появлявшаяся Бэй Мэнэр вовсе не выглядела измученной болезнью,

напротив, она стала еще краше и свежее.

Ее каштановые кудри были собраны на затылке и украшены маленькой шляпкой со стразами. На ней было пышное вечернее платье «черный лебедь», открывавшее белоснежные плечи и шею. Она сияла, словно яркая жемчужина.

После великой войны из-за последствий болезни она уволилась из Серебряной Медведицы и с помощью Чжэн Юэ устроилась на подходящую гражданскую должность в Колесо Золотого Солнца, куда должна была выйти сразу по окончании медового месяца.

Тан Чжэнь долго мучился и в итоге принял неожиданное решение. Он тоже подал заявление на перевод и перешел из Серебряной Медведицы в Колесо Золотого Солнца.

Все прошлые годы Бэй Мэнэр следовала за ним. На этот раз он решил поступить наоборот.

— Сяо Цзян!..

Тан Чжэнь ворвался внутрь, отчаянно размахивая руками, и с взволнованным видом побежал в сторону Цзян Цзяньмина.

В следующую секунду он получил затрещину по затылку:

— Ой!..

Следом за ним, опираясь на трость, вошел Тан Жэнь. Старик сердито раздувал усы и таращил глаза:

— Ах ты паршивец, как ты его называешь, никакого уважения к старшим!

Тан Чжэнь обиделся:

— Дедушка!

Тан Жэнь проигнорировал внука... вернее, вытеснил его. Он отбросил трость и с таким же взволнованным лицом побежал в сторону Цзян Цзяньмина:

— Главнокомандующий!..

Лицо Лайана помрачнело:

— Я вообще-то тоже здесь, старый генерал Тан.

С другой стороны подошли сестры Ланс. Диана хотела обнять Цзян Цзяньмина, но тот мягко погладил ее по голове:

— Я вообще-то женюсь, поаккуратнее.

У Дианы в ту же секунду глаза налились слезами:

— У-у-у-у...

Стоявший рядом Цзян Шэн, которому предстояло выдать сына замуж, тоже захлюпал носом:

— У-у-у-у...

Одри по-прежнему сидела в инвалидном кресле, держа в руках большой букет цветов. Ее тонкие длинные пальцы и запястья оставались открытыми, их больше не скрывали перчатки.

Она мягко улыбнулась:

— Поздравляю, главнокомандующий Цзян, счастливой свадьбы.

Когда кристаллическое гнездо распалось, настоящее тело Одри все еще находилось в глубинах базы «Черная акула» и не впитало рассеявшиеся кристаллические частицы. В этой жизни у нее почти не осталось надежды вырастить кристаллическую кость.

Но после битвы за кристаллические частицы общественные взгляды давно изменились. Глава семьи Ланс наконец-то смогла снять перчатки и с гордо поднятой головой предстать перед людьми.

В самой глубине собора, под разноцветными витражами, Сильф в белом строгом мундире тихо ворчала:

— ...Я все еще твердо убеждена, что это неразумно.

— Я руководитель базы. Даже если моя прежняя одежда и была, ну, немного эксцентричной, я все равно ученый, а не жрица какая-то.

Она высказала скорбную жалобу:

— Почему сегодня именно я стою в соборе в качестве ведущей церемонии?

Линь Гэ развернула праздничную конфету, засунула ее в рот и злорадно заметила:

— Дело в твоём типаже. У тебя лицо святой девицы-проповедницы.

Два «старика», Чэнь и Лудэ, сделали вид, что ничего не замечают, и вальяжно сидели в стороне, переговариваясь.

— Сяо Се и правда не собирается возвращаться? — Лудэ покачал головой. — Эх, молодо-зелено. Столько людей посчитали бы за величайшую честь всей жизни получить это приглашение, а этот ребенок совсем им не дорожит, уж не знаю, прикидывается он дурачком или правда глупый...

Чэнь Ханькэ потянулся и с улыбкой ответил:

— Он дикий конь, его характер еще нужно обтесать. Но сейчас пускай побеждает пару лет в дальнем космосе.

Время пришло. Сильф громко прокашлялась и начала зачитывать текст:

— Уважаемые гости...

Люди вокруг затихли.

Солнечный свет пробивался сквозь стекла собора, преломляясь в чистые, благословенные белые лучи.

Золотые розы взмыли в небо. Когда двое новобрачных вышли из левой и правой галерей, в соборе раздались бурные аплодисменты.

— Лайан, — Цзян Цзяньмин с улыбкой смотрел на своего партнера, свою истинную любовь, в чистом сиянии света. — ...Буду любить тебя вечно.

Они обменялись кольцами под клятвы верности. Драгоценные камни на переплетенных ободках колец были подобраны под стать кристаллической кости Лайана — красно-золотого цвета.

Едва надев кольцо, Лайан притянул Цзян Цзяньмина к себе и поцеловал.

— Скажи это еще раз, — хрипло попросил он.

— Люблю тебя вечно, — ответил на поцелуй Цзян Цзяньмин. — Я буду вечно... любить тебя.

Снова грянули радостные возгласы, запечатлев этот миг любви.

<http://bllate.org/book/18346/1759656>